

Тема номера: «Забота о себе и проблема идентичности»

УДК 316.6

Е.Н. Болотникова

Специфические черты заботы современника о себе

Аннотация:

Автор полагает, что процесс рождения этического субъекта есть деятельная забота о себе, получившая определение в трудах М. Фуко. Забота современника о себе обусловлена распространением сети Интернет. Этическая субстанция есть демонстрируемое желание, модус подчинения заключен в переходе между рациональными истинами текста и эстетикой зримого существования, аскетические практики получают авторский дизайн, а на месте телоса функционирует секуляризированный вариант бессмертия.

Ключевые слова: рождение, забота о себе, аскетические практики, телос, этическая субстанция, модус подчинения.

Об авторе: Болотникова Елена Николаевна, кандидат философских наук, самарский государственный технический университет, доцент кафедры философии; эл. почта: vlad_lena@mail.ru.

Человек: проблематичность определенности

Определение человеком самого себя всегда существовало в философии как проблема. Но подлинным вопросом, поиском ответа на который озаботилось большинство интеллектуалов, оно стало лишь после Ф. Ницше, лишившего человечество ставших привычными в течение двух тысяч лет ориентиров и опоры на христианство. Обозначив бытие человека через волю к жизни, Ф. Ницше проблематизировал индивидуальное бытие, вскрыв «глиняные» метафизические ноги прежде казавшихся устойчивыми и рациональными социальных колоссов. В один ряд с ним встают и другие «подрывники» привычного человеческого местоположения в мире - З. Фрейд, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Р. Барт, М. Фуко. Каждый из них по-своему отвечал на вопрос о человеке. Так, З. Фрейд ищет точку отсчета в структуре психики, а точнее в бессознательном, М. Хайдеггер раскрывает фундаментальные структуры индивидуального бытия – экзистенциального страха, тревоги, ужаса, заботы, Ж.-П. Сартр определяет индивида как свободу, Р. Барт обращает внимание на речевой аспект осуществления индивида. Безусловно, палитра ответов на вопрос о человеке в XX веке значительно ярче и шире, чем представлено здесь нами, особенно, если учесть все те критические краски, которыми сопровождаются в интеллектуальном дискурсе эти ответы. Однако дело не в количестве.

На наш взгляд, вопрос о человеке, находясь в ряду подлинно философских проблем, никогда не сможет получить однозначного и всеми признаваемого в качестве истины ответа. Говоря словами французской поговорки, с ним все было ясно, как с чернильницей (*clair comme la bouteille à l'encre*). Из чего, однако, не следует, что этот вопрос не стоит проблематизировать. «Чтобы *увидеть* [курсив К.С. – Е.Б.] проблему, иногда достаточно уже поменять ее топику, перенести ее с насиженных и привычных мест в новые и неожиданные расположения», - утверждает К. Свасьян [7, 92-93]. Сужение хронологических и территориальных рамок позволяет конкретизировать не только сам вопрос, но и варианты ответа на него. Именно это сделал М. Фуко, поместив проблему индивида в хронотоп – где, когда, как именно и по каким правилам осуществляется индивид как субъект,

проблематизируя становление человека как этического субъекта. При этом понятие «субъект» используется в «очищенном» виде, то есть без отсылок к картезианскому варианту, в жилах которого, по меткому замечанию В. Дильтея, «течет не кровь, а разжиженный сок разума». Такой шаг, осуществленный М. Фуко, позволяет уловить индивида в динамике его становления – ведь спрашивается, не кто есть человек, а как он становится, свершается, сбывается. Другими словами, не конечная точка, не цель, не статичная фигура на пьедестале, а процесс движения, изменения, вечное возвращение не того же самого, но нового, никогда не бывшего – вот что оказывается сердцевинной такой исследовательской стратегией. Взятый в окружение точных, графично выверенных координат, в сеть из ясных и четких вопросов, индивид оказывается не вскрытой гением исследователя «вещью в себе», чья сущность наконец-то обрела свое имя, а живым, непосредственным и вместе с тем понимаемым человеком.

Последнее выглядит особенно важным в наши дни. Рискованное, театрализованное, подозрительное, прозрачное, антиисторичное, соблазняющее общество потребления - вот далеко не полный список характеристик «наших дней», прочно закрепившийся на интеллектуальных просторах. Скорость социальных трансформаций, технологическая обеспеченность существования, коммуникативный коллапс, превращающий игру слов и вещей в бермудский треугольник даже для профессионалов, торжество логики потребления во всех сферах от фундаментальной науки до теологии, переход от иерархии к сетевому принципу организации социального пространства, диффузия идентичности – все это является объективными обстоятельствами существования современного индивида. В таких условиях определить человека через иное, привести его к перечню положительных характеристик, типизировать так, чтобы он уютно чувствовал себя в неких определениях, словно в «родных пенатах», представляется для философии маловероятным. Как справедливо отмечается, «назвать льва «львом» – значит сказать о нем все. Сказать о человеке «человек», значит не сказать о нем ровным счетом ничего» [7, 22].

Иной путь – путь апофатического определения - выглядит более современным. Эта дорога вымощена тезисом Ж.-П. Сартра о принципиальной свободе и открытости индивидуального существования. Такой путь отвечает «духу времени» в том смысле, что оказывается созвучен распространенным формам нигилизма, эрозии истинности, увлекательному процессу деконструкции и утрате доверия к метанарративам. В апофатическом направлении содержатся глубокие антропологические идеи многих наших современников. Так, проф. В.Д. Губин характеризует человеческое Я через пять «не»: несводимость, непредопределенность, незаменимость, невыразимость, неповторимость; проф. В.А. Конев раскрывает индивидуальное бытие через «Дантовы координаты» отказа от насилия, лжи и жадности; акад. А.А. Гусейнов настаивает на определении человека через способность к принципиальному отказу от насилия и лжи (важно: не применять насилие и не лгать именно тогда, когда для этого есть все возможности и шанс избежать наказания).

Однако и этот путь не столь совершенен, как хотелось бы. Дело в том, что в обоих случаях - и положительного, и негативного определения человека - исходным посылом, основанием является эссенциалистская установка. Тем фактом, что она не называется напрямую, дела не исправить. По-видимому, необходимо согласиться с А. Гелленом, более полувека назад утверждавшим, что «...человек есть действующее существо, и тем самым существо дисциплины... ибо человек, во-первых, как-то «не готов», не остановлен в своем движении, еще является для себя самого предназначением и целью обработки, а во-вторых, еще не установлено, что, собственно, есть человек» [2, 151-201].

Забота: определенность рождения

Наша гипотеза состоит в том, что определенность человека обретается в движении самопознания, которое есть одновременно и самосозидание, то есть рождение. Традиционное разделение на осмысление и практику, мыслимое и чувственное, рациональное и эмпирическое в этом случае нивелируется, поскольку процесс самосозидания, рождения самого себя для индивида не может быть градуирован по этому признаку. В рождении не отделимы мысль от чувства, этот процесс требует индивида целиком, целостно. Ведь не рождается отдельно мысль о самом себе и тот «я сам», кто мыслит, но это осуществляется в единстве: одновременно появляется тот я, кто так именно мыслит, и тот я, кто именно так чувствует самого себя.

Процесс рождения самого себя – работа, действие, включающее все ресурсы, что есть в наличии у человека: эмоции, память, восприятие, осмысление, понимание, ощущение, интуицию. Рождение, как показывает история философии, всегда находилось в тени смерти. Благодаря платоновской метафизике обретение человеком самого себя долгие века представлялось возможным, если только ему удавалось осознать, что «человек должен «от-работать» свое рождение «назад» [13, 118]. М. Хайдеггер перевернул эту метафизическую конструкцию, предположив, что себя человек обретает, если и только если сумеет «проработать» свое рождение «вперед» [там же]. Рождение этического субъекта – процесс, не имеющий обратной силы. Здесь не идут в «зачет» прошлые заслуги в том смысле, что если некоторое время назад индивид совершил этический выбор, то это является залогом того, что и в следующей жизненно важной ситуации выбор вновь будет совершен в том же направлении. Другими словами, в каждой конкретной ситуации рождение из индивида этического субъекта происходит заново, впервые, в уникальности и целостности. Это тот случай, когда прошлый опыт не играет роли фундамента, опоры и залога будущих достижений. В отличие, например, от эстетического опыта, накопление которого с неизбежностью влияет на последующее восприятие и оценку эстетической сферы бытия.

Вне этой оппозиции существует концепция «заботы о себе», сформулированная М. Фуко. Его подход позволяет разыскать человеку себя в самом процессе рождения, в ситуации «здесь и сейчас», без кредитов и залогов доверия, без метафизических «назад» и «вперед» (а они только в мышлении и существуют).

В обществе, которое получает множественные и зачастую противоречивые характеристики, определить нечто как существенное, точное, стабильное значит серьезно рисковать. Методологией, которая позволила сделать риск оправданным, для М. Фуко стала проблематизация. Индивид, проблематизированный как этический субъект, выходит за рамки не только указанной метафизической позиции, но и целого ряда других, ставших для философии традиционными различий: статика / динамика, внешнее / внутреннее, свой / чужой, рациональный / иррациональный, дискурсивный / недискурсивный.

Фонарь Диогена, который так и не помог ему отыскать человека, в мастерских руках М. Фуко превращается в сеть. Она набрасывается на индивида, но не сковывает его по рукам и ногам, не превращает его в неподвижного Прометея, не фиксирует его по вертикали властной иерархии и месту в том или ином «социальном лифте». Эта сеть позволяет индивидуальному движению самопорождения свершаться и дальше, это такой своеобразный вариант свободного пленения. Однако вместе с тем сквозь ее тончайшие ячейки становится очевидным то, как именно свершается этот самый фактический, в смысле практический, акт рождения в конкретных обстоятельствах времени и места. Этот акт оказывается зримым, явным, его очертания проступают, открывая способы связи слов и вещей, специфику мотивации действий, целеполагающие установки индивидуальных выборов, обоснование активности и режимы ее осуществления. Узловыми точками, образующими ячейки сети, являются структурные компоненты заботы о себе. Согласно М. Фуко, это: этическая субстанция, модус подчинения, аскетические практики и телос [5].

Исследовательский интерес М. Фуко коснулся также вопросов о роли наставника в процессе рождения, что представляется вполне логичным. Сократ как повивальная бабка западноевропейской философии, повитуха, способствующая рождению в афинянах стремления к прекрасному, и любовь как «стремление родить в прекрасном» (аргумент Диотимы в «Пире») – известные сюжеты, инициирующие этот интерес. Забота о себе, рождение самого себя как автономного этического субъекта – процесс индивидуации, который не может проходить в изоляции, в полном отрыве от других. Эта помощь методического, технического или любого другого типа – необходимый момент озабоченности индивида самим собой. В отличие от смерти, которая «всегда только моя», рождением в большей или меньшей степени мы все-таки обязаны Другому и в прямом, и в переносном смыслах.

Кроме того, важным моментом концепции «заботы о себе» представляется определение типов текстов, позволяющих судить о процессе рождения индивида как этического субъекта, а также перспектива связи этики и эстетики индивидуального существования. По поводу последнего М. Фуко с удивлением замечает: как это никому в голову не приходило сделать самого себя произведением искусства, а только объекты внешнего мира, природу? Без сомнения, все развитые

практики дизайна - от интерьера и кончиков ногтей до городских планировок - демонстрируют движение культуры именно в этом направлении. Ирония великого А.С. Пушкина по поводу того, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» на сегодня выглядит не вполне правомерно. Другими словами, «думать о красе ногтей» вовсе не означает с необходимостью душевную пустоту и поверхностность.

Обстоятельства, формы и стратегии заботы

Рассмотрим последовательно, в каких именно очертаниях выступает процесс рождения этического субъекта, как он осуществляется, и затем попробуем применить это к обстоятельствам XXI века. Под этической субстанцией М. Фуко понимает то, что в индивиде подлежит обработке, преобразованию, усовершенствованию. Другими словами, этическая субстанция - это то, что, будучи преобразованным в индивиде, по его же собственному мнению, позволит стать ему совершенным произведением искусства, не только нравственным, социальным, но и эстетическим субъектом. Одной из особенностей эстетической сферы является ее автономность, самозаконность, в том смысле, что объекты в эстетике обладают самостоятельным значением и ценностью, не будучи увязанными с потребностями жизнеобеспечения и проч. В.Д. Губин отмечает след за Ж. Делезом: «Жизнь не имеет силы искусства; она получает ее только в ослабленном и деградированном виде и воспроизводит сама себя лишь на самом низком уровне и в минимальной степени. Искусство преуспевает вполне в том, о чем жизнь знает только по черновому наброску» [4, 76-82]. «Быть живым – также искусство, и, как искусство, оно не дается автоматически фактом рождения. Для этого нужен большой труд, творческий, артистический» [3, 172].

Модус подчинения представляет собой некий универсальный принцип, действием которого регулируется процесс заботы о себе, более конкретно – это ответ на вопрос о том, «каким способом людей призывали или побуждали признавать свои моральные обязательства» [11, 144]. В исторической проекции в каждый отдельный момент времени и определенном месте модус имеет самостоятельное воплощение. В качестве примеров модуса М. Фуко приводит божественный закон, изложенный в тексте, закон природы, космологический порядок, везде и всюду единый для всех живых существ, рациональное правило (в кантианском, универсалистском, а не научном значении), попытку придать своему существованию самую прекрасную из возможных форм [11, 144-145].

Модусы подчинения, выделенные М. Фуко в культуре конкретной эпохи, скорее, являются доминирующими, чем тотальными. К этому замечанию нас приводят исторические исследования самого автора современной версии концепции «заботы о себе». Анализ заботы о себе на рубеже нашей эры, то есть в своеобразный переходный период между языческой античностью и тотальным засильем христианской догматики, проделан им в книге с одноименным названием. В ней убедительно показывается, что в отдельные исторические периоды резких и однозначных границ между тем, согласно какому принципу осуществляется забота о себе, провести нельзя. Модусом подчинения в античную эпоху М. Фуко считает эстетику существования, тогда как в христианскую эпоху следует говорить о модусе как о божественном законе, изложенном в тексте. Этап, когда ни один из модусов не доминирует, во всех смыслах можно считать пограничным, и искусный взгляд «археолога мысли» и «историка идей», каковым неоднократно называл сам себя М. Фуко, концентрируется то на одном, то на другом вариантах модуса. Из чего, однако, не следует, что не существует эпох, где можно однозначно выделить именной модус подчинения.

Аскетические практики трактуются М. Фуко в самом широком смысле, под ними подразумевается деятельность самоформирования, фактический ответ на вопрос, «с помощью каких средств мы можем изменить себя и стать этическими субъектами» [11]. К аскетическим практикам относятся те действия, те самостоятельно и добровольно накладываемые индивидом на самого себя ограничения, обязательства, которые и составляют деятельную сторону заботы. Аскетизм может касаться желаний, физических или духовных сторон жизнедеятельности индивида, актов, влечений, саморасшифровки - проще говоря, всего того, что, изменившись, позволит индивиду стать этическим субъектом. Действия, объектом которых являешься ты сам, и не под властью, например, церкви, или сословных ограничений, или национальных доминант, или народных традиций, но самозаконное, выбранное и осуществляемое индивидом по собственной воле деяние с самим собой. Можно сказать, что аскетические практики в чистом виде – это тип специальных действий, усилий, дополнительных ко всем тем, которые надлежит по тем или иным не зависящим от индивида

обстоятельствам выполнять в текущей жизнедеятельности.

Телос заботы о себе стараниями М. Фуко также не существует в голом схематичном варианте. Он сформулировал и предложил нам целую палитру вариантов ответа на вопрос, «какого рода формой существования мы вдохновляемся, поступая морально» [11, 145]. Если попытаться приблизить эту формулировку вопроса о телесе к более привычным версиям, то, на наш взгляд, это будет выглядеть примерно так: ради чего люди хотят быть моральными субъектами? С какой целью они двигаются в направлении индивид – этический субъект? Какой образ, какой именно «Другой Я» является мечтой, пределом желаний индивида в заботе о себе? Сущностная нехватка чего именно в индивиде требует заполнения? Вариантами, выделенными М. Фуко в истории ответа на этот вопрос, являются: чистота, бессмертие, самодисциплина, свобода [5, 57].

Забота о себе - сугубо индивидуальный, самостоятельный процесс. Между тем, понятый как рождение, он не обходится без участия Другого. М. Фуко делает следующее наблюдение относительно роли Другого как наставника индивида в заботе о себе: в эпоху Платона роль наставника должен был выполнять хорошо знакомый человек, испытывающий к подопечному чувство глубокой любви и привязанности. Во времена Сенеки желательно, чтобы место наставника занимал неравнодушный, близко знакомый с воспитанником, его жизнью и окружением товарищ, авторитет которого в глазах воспитанника есть производное от совпадения модусов говорения и действия. Согласно Галлену, на месте наставника должен оказаться человек беспристрастный, не испытывающий никаких особенных чувств и предрасположенности к воспитаннику, главная заслуга наставника – способность к «*paressia*», своеобразному «свободному говорению», и способность развить это умение в воспитаннике [10].

Временной интервал изменения роли наставника индивида в заботе о себе оставляет около двух веков. Изменяется не только положение наставника, но роль и ответственность воспитанника. Если в эпоху Платона воспитанник занимает скорее пассивное положение, то для Сенеки воспитанник уже должен быть убежден, уверен в способности наставника научить его заботе о себе, и эта убежденность рождается от критической оценки жизненных достоинств и достижений самого наставника. В период Галлена выбор наставника осуществляет сам воспитанник в широком социальном окружении, делает его на основании специально проведенной рефлексии жизненной стратегии наставника, в которой должны совпадать способность к свободному говорению и ее реализация в практике жизни. Наставник должен сохранять объективность по отношению к воспитаннику, а для этого необходимо, чтобы у них не было никакой общей предыстории взаимных связей. Задача воспитанника – осуществить выбор наставника и убедить его в собственной готовности обучаться. Другими словами, активную роль в собственном обучении и образовании приобретает сам воспитанник, как и ответственность за то, кто будет его наставником в сфере самоосуществления. Пожалуй, наиболее известным в истории культуры примером подобного рода может служить история обретения веры, раскрытая Аврелием Августином.

Это преобразование в истории наставничества показывает одну существенную деталь: забота о себе – не некое авторское изобретение, уникальный код. Ее содержание, процесс ее освоения, как и результаты этого процесса, носят универсальный зримый характер: индивид, практикующий заботу о себе (этический субъект), очевиден окружающим. Задача наставника состоит не в том, чтобы передавать знания, умения и навыки в определенной предметной области (это уровень мастерства в ремесленничестве), а в том, чтобы воспитанник открыл способность понимания самого себя, способность к самостоятельности, к само-стоянию, сформировал культуру себя, дисциплину возделывания и обработки души: «я работаю ... над самим собой: я стал сам для себя землей, требующей тяжелого труда и обильного пота» [1, 25]. Именно из этой точки открывается индивиду дорога к состоятельности в любой из возможных сфер приложения собственных сил. Соответственно, конкретизация сферы деятельности, будь то поприще гражданской службы, ведение хозяйства или ремесло, оказывается задачей второго порядка.

Выбор текстов, на основе которых возможно некое исследование заботы о себе, осуществленный М. Фуко, также представляет значительный интерес. В анализе заботы о себе он исходит из того, что созидание самого себя как этического субъекта осуществляется индивидом в текущей жизни. И потому тексты, раскрывающие содержание и практику этого рождения в конкретный исторический период, не носят фундаментального характера. М. Фуко обращается к

истолкованию сновидений, к личным архивам и письмам, к дневниковым записям о порядке повседневной жизни, в ткани которой и осуществляется сама забота. Посыл совершенно ясен: нет ничего более красноречиво говорящего об индивиде, чем практика его повседневного существования.

Забота о себе: здесь и сейчас

Представленный абрис общетеоретических позиций в исследовании заботы о себе может быть использован при анализе современных практик. Карт-бланш на такое действие мы получаем от самого М. Фуко, который в многочисленных интервью именно через эти позиции определял этику современного субъекта, анализировал культурные практики и направления. Вот как об этом высказался проф. О. Хархордин: «Можно послушать многие последние прижизненные слова М. Фуко о методе и начать спокойно применять его метод к анализу других культур» [12, 63].

Прежде всего отметим, что сегодня исследователь современных практик заботы о себе находится в ситуации избыточности того, что у социологов называется «полевым материалом». Речь не только о толковании сновидений или о дневниковых записях (последние в форме аккаунтов в социальных сетях охватывают практически весь цивилизованный мир), но и о критике этих типов текстов в аналитике и апологетике массовой культуры. В медиасреде накоплено достаточное количество исследований в области повседневной культуры с тем, чтобы они могли стать источниками аргументов относительно современных практик заботы о себе.

Что касается роли наставника в актуальных практиках заботы о себе, то она, очевидно, связана с тем фактом, в котором собраны воедино многие характерные черты современности, – с возникновением виртуальной реальности. Интернет, как справедливо замечают А.Ш. Тхостов и В.А. Емелин, «недаром нам предлагают писать ... с большой буквы, наряду с такими универсалиями, как Бог, Родина, Отечество)» [6]. Виртуальная реальность, как продукт функционирования сети Интернет, обладает свойствами тотальности и гиперфункциональности, принимает на себя роль наставника со всем возможным разнообразием и скоростью цифровых технологий. Если герой Ж.-П. Сартра в «Экзистенциализм – это гуманизм» обращался за советом к священнику, и выбор конкретного священника был ограничен, то любому из современников можно обращаться без всякого ограничения к безличному и всеведущему интернет-пространству.

Эта всеответность радикально меняет суть дела. Она, по сути, равна безответственности. Наставник в заботе о себе индивиду по-прежнему нужен, и вполне логично, что ищущий обращается в поиске наставничества к наиболее полному источнику информации – к сети. Но в таком случае нет возможности удостовериться в том, что у виртуального наставника совпадают модус действия и говорения, нет и не может быть уверенности в истинности отношения к тебе того, кто выполняет роль наставника, не существует ответственности при наличии бесконечно разнообразной палитры ответов, нет даже уверенности в реальном существовании.

Этической субстанцией в заботе о себе для современного индивида выступает, как справедливо замечено более сорока лет назад, желание: «Что же до современной “формулы”, то я мог бы сказать, что в ней главное – желание, которое теоретически подчеркивается и практически признается, поскольку ты должен высвободить свои желания» [11, 149]. Именно оно подлежит преобразованию, переработке. Какого рода это преобразование? В первую очередь, желание подлежит расшифровке, проговариванию, чему, безусловно, способствуют многочисленные психологические практики, популярность психологов-экспертов во всех областях публичного пространства. Развитие технологий осуществляется не столько в направлении проговаривания, сколько в направлении показа, демонстрации, наглядности желания. Визуализация желания с помощью гаджетов - это значительно более простой и быстрый процесс, чем психоанализ, гипноз, ведение дневника и др. Это приводит к тому, что само желание постепенно становится объектом эстетического восприятия, объективируется, приобретает самостоятельное значение вне связи с его удовлетворением или хотя бы потенциальной возможностью удовлетворения.

Речь о желании как об этической субстанции не может, на наш взгляд, обойтись без рассмотрения его в отношении избыток / недостаток. Ориентация экономической системы на стимулирование спроса и потребления, отсюда – на удовлетворение малейших желаний индивидов, включение потребителей в процесс создания и производства новых продуктов, учитывающих их уникальные потребности и склонности [о том, как это происходит, см.: 8], необходимость

демонстрации желания и, следовательно, избыточное умножение сущностей, на наш взгляд, приводит к обратному эффекту. Все большее распространение получает феномен дефицита желания. Индивид, для которого быть живым значит испытывать желание, оказывается в ловушке. Чем большее количество желаний он демонстрирует, высказывает, словно забывая, что «всего никогда не сказать» (высказывания, сколь бы ни были они многочисленны, всегда в дефиците по отношению к тому, что могло бы быть высказыванием в естественном языке [9, 119-120]), тем большее число желаний потенциально способна удовлетворить экономическая система (включая социальный, технологический, гендерный, политический и иные аспекты). Соответственно, возникает погоня за редкостью, за редкими, особенными желаниями, которые, согласно «правилу единичности» всегда существуют в недостатке. Разрастаясь до невероятных, гигантских размеров, индустрия удовлетворения желаний в итоге приводит к их минимизации.

Модус подчинения в отношении современника, озабоченного самим собой, функционирует в «пограничной зоне». Эта граница между истиной, высказанной в тексте, и эстетикой существования. Однако речь идет не об истине божественного закона и не об эстетике гармоничного античного покорителя Олимпа. Цивилизационная составляющая повседневной жизни ориентирует современника в подчинении рациональным универсальным правилам, изложенным в многочисленных текстах. От научных теорий и до политических заявлений, от законодательных норм и до правил участия в ток-шоу и интернет-сообществах индивида призывают опираться на рациональные нормы согласованности и конструктивного взаимодействия. Вера в торжество «коммуникативной рациональности» скрепляет, цементирует социальное бытие. Вместе с тем наглядность, прозрачность, техническое сопровождение социального бытия современного человека приводит его к необходимости реализации прекрасной из всех возможных форм существования. Таким образом, индивид, как и на рубеже нашей эры, находится в сложном положении, где имеется некий люфт в определении доминирующего модуса подчинения.

Актуальные аскетические практики, реализуемые современником в заботе о себе, также обладают рядом примечательных черт. Во-первых, чрезвычайно трудно прийти к мысли о необходимости практикования аскезы в обществах изобилия и потребления. Там, где «сбываются мечты», добровольно остановить самого себя в использовании или потреблении чего-то бы то ни было представляется сложной и неочевидной задачей. Во-вторых, аскетизм, все-таки избранный индивидом как необходимый компонент действительной заботы о себе, с необходимостью носит зримый, явный, демонстративный характер. О нем неизбежно становится известно окружающим, даже если индивид предпочитает уединение (например: он не пользуется электронными средствами связи, социальными сетями (!), уже отказавшись или принципиально в них не вступая). В-третьих, выбор аскетических практик осуществляется в возвратном движении «тело-дух». Иными словами, чтобы преобразовать желание, необходимо позаботиться и ограничить в чем-либо тело, но эта остановка тела возможна только благодаря усилию духа. И обратное: чтобы закалить дух, сформулировать желания в нематериальной сфере, необходимо провести соответствующую работу с телом, выработать определенную дисциплину, закалить волю. В-четвертых, доступность информации и снятие многочисленных социальных ограничений, распространенных в прежние столетия, приводят к тому, что индивид способен на протяжении жизни составить уникальную авторскую карту аскетических практик собственного производства. В погоне за редкими желаниями все большее распространение получают редкие сочетания аскетических поисков и проб.

Относительно телоса заботы о себе, практикуемой современником, можно выдвинуть гипотезу о секуляризованном варианте бессмертия. Бессмертие в форме религиозного обещания загробной жизни долгие столетия вдохновляло человечество. Проведенное Ф. Ницше хирургическое вмешательство в отношения человека и Бога отменило веками складывавшуюся систему взаимных обязательств. Однако технический прогресс поставил современника лицом к лицу с новым порядком проблем. Во-первых, виртуальное бессмертие каждого действия с использованием Интернета уже достигнуто. Во-вторых, прогресс медицинских технологий, трансплантация, генная инженерия и, главное, клонирование – поражают воображение, и успехи науки на этом пути подсказывают, что реальное, фактическое бессмертие, уже достигнутое для животных, в скором времени может стать и уделом человека. Таким образом, заботясь о себе, индивид формирует себя для вечного существования в качестве этического субъекта.

Другие претенденты на роль телоса выглядят не столь убедительно. Свобода, согласно Гегелю и практике современных политических процессов, выступает уже не как цель, а лишь как текущая задача. Решение этой задачи может быть более или менее успешным для отдельных национальных, религиозных и иных общностей или индивидов, но в историческом масштабе особой роли это не играет. Самодисциплина оказывается проблематичной и малоперспективной, поскольку открытия психоанализа наглядно продемонстрировали, с одной стороны, целостность психических явлений жизни, а с другой – их неподконтрольность сознательным, рациональным доминантам. Чистота, конечно, захватывает сторонников набирающего политический и социальный вес экологического движения, но на деле она выступает как средство, а не как самоцель. Следовательно, бессмертие и его инварианты по праву занимают место телоса.

Подводя итоги нашего исследования, можно отметить следующее. Во-первых, рождение этического субъекта из индивида осуществляется как становление, раскрытие и одновременно созидание содержания, раскрываемого в индивиде. Во-вторых, этот процесс с неизбежностью несет в себе специфические характеристики времени и места осуществления индивида как этического субъекта, ключевой среди которых оказывается функционирование сети Интернет. В-третьих, концепция «заботы о себе», сформулированная М. Фуко, позволяет произвести ясное понимание человека в соответствующей эпохе, преодолевая традиционные философские оппозиции. На наш взгляд, современник в заботе о себе характеризуется как тот, кто: преобразует визуализированное желание, практикует авторский дизайн аскетических практик, нацелен на секуляризированный вариант бессмертия и подчиняется одновременно рациональным правилам, изложенным в различного рода текстах и эстетике прекрасной жизни.

Библиографический список:

1. Августин. Исповедь. Книга 10. <http://www.psylib.org.ua/books/avgus01/txt10.htm>.
2. Геллен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. - М.: Прогресс, 1988. С.151-201.
3. Губин В.Д. Жизнь как метафора бытия. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. 205с.
4. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 76-82.
5. Дикон Р. Производство субъективности // Логос. 2008. №2. С. 21-65.
6. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. №1. С. 74-85. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=678&Itemid=52.
7. Свасьян К. Человек в лабиринте идентичностей. М.: Evidentis, 2009. 192с.
8. Соколова Н.Л. Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208с.
10. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677с.
11. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. №2. С. 135-159.
12. Харходрин О. Фуко и исследование фоновых практик // М.Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О.Хархордина. - СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. 349 с. С. 46-82.
13. Щитцова Т.В. Memento nasci: сообщество и генеративный опыт. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2006. 384с.

Bolotnikova E.N. . **Specific features contemporary self-care**

The author believes that the process of the birth of the ethical subject is an active self-care, defined in the works of Michel Foucault. A contemporary in taking self-care conditioned to the spread of the Internet. The ethical substance is the obvious desire, mode of submission is imprisoned in the passage between the rational facts of the text and aesthetics of visible existence, ascetic practices get renovated, and the place of Telos operates secularized version of immortality.

Keywords: birth, self-care, ascetic practices, telos, ethical substance, mode of submission.